

Отзыв

официального оппонента о диссертации С. А. Семячко «Письменная традиция древнерусского старчества: Текстологическое, источниковедческое и историко-литературное исследование», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. Санкт-Петербург, 2016.

Обращение к событиям древних эпох, не имеющим достоверных документальных свидетельств, неизбежно порождает мифы, и чем далее отстоят эти эпохи от современности, тем невероятнее складывающиеся о них представления. Однако осознание этого приходит лишь тогда, когда удастся раскрыть бесосновательность подобных измышлений, обычно – в процессе последовательного, тщательного и вдумчивого изучения проблемы. Именно с таким разрушением целого ряда мифов можно встретиться при ознакомлении с диссертационным сочинением С. А. Семячко, позволяющем по-новому взглянуть на традиции и обыкновения монастырской жизни в Древней Руси, и уже одно это заставляет говорить об актуальности и научной значимости ее работы.

Понимание того, насколько важно предпринятое С. А. Семячко исследование, приходит почти сразу, поскольку разрушение мифов начинается с первых страниц работы, с рассмотрения феномена старчества, появление которого в русском монашестве до этого традиционно связывали с именем Паисия Величковского. Основываясь на свидетельствах, взятых из житий русских подвижников, диссертантка показывает, что практика передачи новопостриженного инока под начало старца существовала задолго до Паисия, что она была связана с возникновением на Руси общежительных монастырей, что она имела довольно широкое распространение, наконец, что ее осуществление предполагало использование каких-то текстов, подобно тому как рукоположение во священника сопровождалось чтением «Поучения новопоставленному иерею», которое должен был совершать святитель (замечу, что ранние списки этого «Поучения» датируются концом XIII века). При решении вопроса о том, какие тексты такого рода могли использоваться в монастырском обиходе, С. А. Семячко приходит к заключению, что все они в итоге попали в состав «Старчества», представлявшего собой «нравственно-дисциплинарный сборник, своего рода методическое руководство для старца в обучении новопостриженного инока» (с. 11).

В целом в отечественных книжных собраниях С. А. Семячко удалось найти 83 списка сборника «Старчество», однако 1-ю главу диссертационного исследования она

решает посвятить изучению сочинения «Предание старческое новонаначальному иноку», которое, по ее мнению, как раз и читалось старцем при передаче под его начало новопостриженного брата. И это убедительно доказывается в диссертации, хотя следует заметить, что, наряду с «Преданием», в старческой практике на Руси продолжало употребляться и слово св. Василия Великого «о постничестве, како подобает украшену быти иноку», о чем неоспоримо свидетельствует публикация его в московских изданиях Третьякова XVII века. Вместе с тем особое внимание к «Преданию старческому» также представляется вполне обоснованным: это сочинение встречается в сборниках «Старчество» чаще других и, более того, им задается тематическая направленность сборника.

Текстологический анализ списков «Предания старческого новонаначальному иноку» выполнен диссертанткой безупречно, тем более что, помимо этого сочинения, к исследованию привлечены несколько других текстов схожего содержания, для которых прослежены и вероятное время их создания, и их источники, и характер взаимоотношений с «Преданием старческим». Самое приятное впечатление производят тонкие, но при этом основательные и глубокие наблюдения С. А. Семячко над текстом избранных ею для анализа произведений, сопровождаемые развенчанием очередных мифов, таких, к примеру, как мнение о южнорусском происхождении «Предания старческого» (с. 118–120) или об участии в его создании Геннадия Костромского (с. 121). Не вызывают сомнения и выводы, произведенные на основе текстологических изысканий: ни о возникновении памятника в середине XV века, ни о рождении его в недрах Кирилло-Белозерского монастыря.

Во 2-й главе диссертации С. А. Семячко переходит к рассмотрению сборника «Старчество», формирование которого она вполне справедливо относит к третьей четверти XV века (с. 163), и самым простым в этом случае для нее оказывается обсуждение названия книги: связь его с патериками очевидна. Намного бóльшие сложности вызывает описание состава разных списков «Старчества», поскольку диссертантка вынуждена признать в нем сборник относительно устойчивого состава, в котором можно обнаружить повторяемость, но который в то же время варьируется (с. 167). Описание подобных сборников, в отличие от сборников устойчивого состава, способных доставить беспокойство только немногочисленными пропусками привычных или внесением новых статей, да изредка встречающимся перемещением статей с места на место, всегда вызывало немало проблем у археографов.

Следует заметить, что С. А. Семячко с честью вышла из создавшейся ситуации, разработав особую методику для описания сборников, подобных «Старчеству». Благодаря

этому, ей удалось не только показать особенности содержания выявленных в результате исследования вариантов сборника и одновременно охарактеризовать эти особенности посредством указания частотности появления в вариантах сборника тех или иных статей, но и сохранить возможность судить об индивидуальных чертах состава каждого из списков сборника.

Несомненным достижением С. А. Семячко нужно также признать итоги предпринятой ею попытки соотнести особенности состава вариантов сборника с местом их создания и бытования, поскольку это позволило ярче высветить своеобразие того, как была организована жизнь в крупнейших русских монашеских обителях: Троице-Сергиевой лавре, Кирилло-Белозерском, Соловецком и Иосифо-Волоколамском монастырях. При этом диссертантка постаралась привлечь к изучению все доступные ей материалы, вплоть до «роздаточных книг» Кирилло-Белозерского монастыря конца XVII века (с. 280–282).

Нельзя не обратить внимания на то, что рассмотрение в диссертации истории распространения сборника «Старчество» производится с величайшей осторожностью. Создается впечатление, что ее автор всеми силами стремится не создавать оснований для возникновения новых мифов. Особенно это заметно по тому, как охарактеризовано бытование книги у старообрядцев. В этом случае отмечается лишь устойчивый интерес старообрядцев к «Старчеству» и влияние сборника на их уставную практику (с. 460–461), С. А. Семячко не рискует указать истоки этого интереса, определяемые положением старообрядцев в обществе и отношением к ним властей. Вместе с тем как раз невозможность на законных основаниях вести богослужение заставляла старообрядцев обращаться к монастырским обыкновениям, что выразилось в замечаемой в старообрядческих книгах постановке знака равенства между словами «инок» и «истинный христианин».

Осторожность изменяет диссертантке лишь в одном случае, когда она в стремлении добиться всеобъемлющего, многоаспектного и исчерпывающего рассмотрения материала пытается показать, как «Старчество» «коррелировало с другими сборниками, связанными с формированием уставной практики» (с. 462). При этом под сборниками, связанными с формированием уставной практики, С. А. Семячко понимает в первую очередь Кормчую, свод произведений канонического права, и Требник, представлявший собою уже богослужебную книгу.

Суждения, касающиеся богослужебных книг русской церкви, особенно при рассмотрении их в исторической перспективе, как правило, почти всегда попадают в разряд досужих домыслов, поскольку история этих книг никому не известна,

исследования, посвященные им, не проводились и наши знания о них в лучшем случае фрагментарны. Не случайно поэтому, когда в диссертации ставится вопрос о взаимоотношениях «Старчества» и «Иноческого требника» (с. 463), не может не возникнуть другой вопрос: почему именно иноческого?

Насколько мне известно, Требник иноческий, как и Требник мирской, выпущенные на Печатном дворе в 1639 г., были книгами, искусственно там созданными, причем необходимость их никаким образом не была подтверждена, почему они никогда впоследствии и не переиздавались. Существовали ли Требники иноческие в рукописной традиции, судить трудно, однако существует мнение о том, что Требник отделился от Служебника уже в книгопечатную эпоху. Подтверждение этому можно увидеть в первых русских изданиях Служебника, в состав которых включены, в том числе, статьи, приличные Требнику.

Содержание Требников отличалось разнообразием, начиная с первых изданий. К примеру, следом за первым Требником, изданным в Москве в 1623 г., уже в следующем году был напечатан Требник, в составе которого находились чины святительские. Менялся состав Требника и в дальнейшем. Между тем диссертантка не принимает этого во внимание, решая обратиться к единственному московскому изданию Требника иноческого. В связи с этим она делает предположение, что влияние старческой практики на Требник ограничивалось требованием читать поучение Василия Великого по окончании Чина малого образа. Однако если бы С. А. Семячко познакомилась с изданием Требника 1623 г., то на л. 481–482 об., в конце Чина великого образа, она обнаружила бы описание процедуры передачи новоначального инока старцу, подобный тому, который она приводит на с. 466 диссертации. При подготовке к печати Требника иноческого 1639 г. этот фрагмент текста был изъят, однако его наличие в раннем издании позволяет, в том числе, объяснить расположение поучения Василия Великого после Чина великого образа.

Лишь предварительными следует признать и наблюдения диссертантки касательно взаимоотношений «Старчества» и Псалтири с исследованием, даже несмотря на то, что в Приложениях к работе помещен обширный экскурс в историю Псалтири с исследованием, содержащий немало ценных наблюдений. К числу их можно отнести, например, исследование ситуации с появлением предисловий к библейским песням (Приложения. С. 315–327), которая представляется в высшей степени интересной, если учитывать возможность наделения псалмов напоминающими предисловия расширенными надписаниями, как это было сделано Иваном Федоровым в заблудовской Псалтири с Часословцем 1570 г. Вместе с тем общий вывод С. А. Семячко о том, что «никакого

окончательного определения Следованной псалтири в настоящий момент создать невозможно» (Приложения. С. 166), представляется вполне закономерным.

Попытка рассмотрения в Приложениях возможностей формирования состава Псалтири с воследованием показывает стремление С. А. Семячко к всестороннему изучению проблем, возникающих в связи со сборником «Старчество», причем в той же мере, в какой об этом же свидетельствует 3-я глава ее диссертационного сочинения. В ней затрагивается история взаимоотношений «Старчества» с двумя другими сборниками, посвященными монашескому житию, «Цветником священноинока Дорофея» и «Кринами сельными». Однако прежде, чем перейти к решению этого вопроса, диссертантке потребовалось предпринять специальное исследование этих двух весьма объемистых книг, для которого были привлечены 66 списков одной, и 45 – другой.

Оценивая итоги этого исследования, нельзя обойтись без слов восхищения в адрес С. А. Семячко; ее выводы о том, что именно «Крины сельные» в их раннем варианте стали основой при составлении «Цветника священноинока Дорофея» и дополнений сборника «Старчество», произведенных Матфеем Никифоровым, не вызывают никаких сомнений. Нельзя не обратить внимания, что в этой главе, как и в других частях работы, будто бы между делом, решаются важнейшие проблемы, связанные с упомянутыми памятниками древнерусской литературы, в частности вопрос об их авторе, каковым и для «Кринов», и для «Цветника» признается иеромонах Дорофей, а не редактировавший «Крины» в конце XVII века Диомид Яковлев сын Серков, которому приписывали и их сочинение (замечу, что для этого вывода диссертантка, опять – как бы между делом, исследует биографию и литературную деятельность Диомида Серкова).

Вполне убедительным представляется и заключение об эволюции старческой традиции в XVII в., отразившейся в создании «Кринов сельных» и «Цветника». Предпринятое в диссертации исследование этих памятников, действительно, позволяет увидеть смену ориентиров, переход в нацеленности поучений и уставлений с новонаначального инока на любого православного человека.

Последнюю точку в своем исследовании, которое и без того воспринимается как цельное и законченное, С. А. Семячко ставит присовокуплением к тексту диссертационного сочинения обширных приложений, в которых, помимо ожидаемого археографического обзора списков сборника «Старчество» и уже упоминавшегося экскурса в историю Псалтири с воследованием, находится немало ценнейших материалов. К числу их необходимо отнести большую подборку текстов, составляющих своего рода антологию, посвященную старческой традиции, и вирши, предположительно принадлежавшие перу Диомида Серкова. Все тексты по возможности сверены по разным

спискам и подготовлены к изданию. Также не кажется излишним небольшое исследование, касающееся Дорофея Васильева Петровского.

Нельзя не отметить высокий научный уровень диссертации. В ее тексте находят убедительное и доказательное подтверждение все основные положения, вынесенные ее автором на защиту, тем более что работа имеет более чем солидный фундамент: к исследованию привлечены свыше 600 рукописных источников. Нет сомнений, что она будет востребована исследователями древнерусской литературы

При учете того, что автореферат полностью отражает положения и выводы диссертации и что по ее теме было опубликовано несколько десятков работ, у меня имеются все основания утверждать, что исследование С. А. Семячко удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а его автор заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

А. В. Вознесенский
 доктор филологических наук,
 заведующий сектором старопечатных книг
 Отдела редких книг
 Российской национальной библиотеки
 С.-Петербург, Садовая ул. 18/20
 A.Voznessenski@nlr.ru

